

О понятии опосредствования*

Д. Бэкхёрст

доктор философских наук, профессор философии, Королевский университет, Кингстон, Канада

В наследии Выготского наиболее прочными оказались те философские понятия, которые лежали в основе его психологической теории. Вероятно, самым важным среди них является понятие опосредствования. Хорошо известно утверждение Выготского, что психические функции человека обязаны своими отличительными свойствами «психологическим орудиям», опосредствующим взаимоотношения между мыслящими субъектами и объектами мышления. Но хотя важность и значимость данной идеи признается очень многими, по-прежнему нет единого мнения по поводу того, как ее следует трактовать и каким образом развивать дальше. В настоящей работе я предпринимаю попытку критически оценить философское значение категории опосредствования и предлагаю подойти к ней с плюралистических позиций: опосредствование представляет собой не один вид процесса, а несколько, и в некоторых своих формах оно приближает нас к окружающему миру, в большей степени раскрывая его перед нами, нежели отдаляя нас от реальности как таковой.

Ключевые слова: Л.С. Выготский, опосредствование, психологические орудия, восприятие, мышление, субъектность.

1. Для тех, кто хотел бы изучить философское значение наследия Л.С. Выготского, не найти лучшей отправной точки, чем понятие опосредствования. Сам Выготский охарактеризовал опосредствование как «центральный факт нашей психологии» [7, с. 166]: оно лежит в самой основе его взглядов на высшие психические функции, специфику человеческой деятельности и социальную природу психики. Кроме того, данное понятие имеет длинную философскую родословную, уходящую корнями в работы Гегеля и их трактование Марксом, Энгельсом и многими другими последователями. Во взглядах Выготского на опосредствование проглядывает в концентрированном виде целая философская традиция. Одной категорией опосредствования философское содержание идей Выготского, разумеется, никоим образом не исчерпывается, однако ключевая позиция, которую она занимает, не позволяет обойти ее вниманием никому, кто рассматривал бы его вклад в философию.

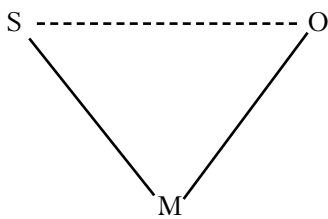
2. Важность опосредствования пытаются объяснить многие. Джеймс Верч (James Wertsch), к примеру, описывает его как «самый значительный и уникальный вклад» Выготского [9, с. 15] и не обходит стороной в своих собственных исследованиях, как и многие другие последователи Выготского. Тем не менее я не уверен в том, правильно ли данный термин понимается. Философский потенциал понятия опосредствования

заключается в том, что оно проливает свет на природу и возможности мысли, если говорить в общих чертах. Но это чрезвычайно многогранная тема, и роль опосредствования невозможно рассматривать прямо. Если мы возьмем закончить схему (S) «М является посредником [между] X и Y тогда и только тогда...», сможем ли мы с точностью сказать, что может выступать в качестве заместителей переменных и что должно следовать за «тогда и только тогда»? И каковы ограничения адекватного использования термина в таких выражениях, как «опосредствованная деятельность», «опосредствованная память», «опосредствованное внимание» и т. д., которые Выготский регулярно употребляет?

Меня можно заподозрить в несообразительности. Действительно, суть опосредствования заключается просто в отрицании непосредственности. Психика — это что-то в сути своей рациональное. Иными словами, существо, наделенное психикой, способно становиться в определенные отношения с миром: мы видим мир через свое восприятие, выносим свое суждение о нем, делаем заключение, что вещи такие-то и такие-то, стремимся изменить мир посредством намеренных действий. Мы также вступаем в общение с другими разумными существами. Те психологические отношения, которые связывают нас с реальностью и с другими людьми, никогда не являются непосредственными: мы не просто впитываем

* Перевод с английского Е.М. Виноградовой.

ваем окружающий мир через восприятие, не просто отражаем его в своих мыслях или изменяем его простым актом своей воли. Мы не обладаем телепатическим доступом к мыслям других обладателей психики. В восприятии, мышлении, действии и общении психика руководствуется психологическими орудиями, самыми важными из которых являются язык и другие формы репрезентации. Таким образом, возвращаясь к схеме (S), М является психологическим орудием, X — это человек (или субъект), а Y — объект человеческого восприятия, суждения или деятельности. Здесь мы можем вспомнить хорошо знакомый треугольник Выготского, с которого начинаются все споры об опосредствовании:

(Разумеется, дело значительно усложняется, если объект является одновременно другим субъектом, но сейчас мы оставим этот вопрос в стороне.) И мы также можем теперь объяснить адъективное использование термина «опосредствованный»: опосредствованное внимание — это внимание, облегченное использованием психологических орудий, и т. д.

3. Прежде чем приступить собственно к делу, я хочу сделать два предостережения.

Прежде всего здесь, как и в любых других вещах, важно избегать пустословия. В работе «Исторический смысл психологического кризиса» Л.С. Выготский со свойственной ему проницательностью отмечает, что часто психологические школы врываются в науку с какой-то очень мощной организуемой идеей, поражающей воображение. Но затем люди оказываются настолько поглощены этой идеей, что начинают видеть ее проявления буквально во всем (например, всё считают «рефлексом» или проявлением «бессознательного»). Постепенно на идею нагромождается такой «вес объяснения», который она уже не в состоянии вынести, и в конце концов она обрушивается в пустоту [7, с. 308]. Существует опасность, что идею опосредствования может постичь та же участь. Кто-нибудь предположит, что идея выглядит вполне здраво в тех ситуациях, когда мы можем четко идентифицировать определенные «психологические орудия» в действии. Но о каком типе опосредствования может идти речь, например, в ситуации, когда вы видите вашу дочь, которая направляется к вам через футбольное поле?

Сторонники выготскианской психологии скажут, что восприятие, являясь высшей психической функцией, испытывает влияние со стороны различных представлений. Ту фигуру, которую вы видите перед собой, вы воспринимаете как человека опре-

деленного возраста и телосложения, совершающего определенные действия, человека, в котором вы узнаете свою дочь (слово «узнавать» (recognize) может ввести в заблуждение, делая процесс чересчур логическим: вы видите *свою дочь, направляющуюся к вам*, а вовсе не что-либо менее очевидное, в котором вы *узнаёте* собственную дочь). Но и в данном случае представления выполняют свою работу. Разумеется, можно пойти и дальше, поскольку дело не ограничивается тем, что на нашем восприятии настоящего отображаются представления, позволяющие осуществлять классификацию, или другие категории. Наше восприятие того, что происходит здесь и сейчас, обусловлено также нашим восприятием прошлого: настоящее некоторым образом заключает в себе и прошлое.

Такое объяснение выглядит заманчиво. Стоит отметить, однако, что в таком случае возникает угроза растянуть понятие опосредствования до полного его уничтожения. Если «использование» любой высшей психической функции опосредствовано представлениями, если осознание настоящего опосредствовано воспоминаниями прошлого, тогда опосредствование универсально и присутствует повсеместно. Это правда, что у любого психического акта есть фоновые условия, что мысль нуждается в способе выражения, что всё, что мы умышленно делаем, совершается тем или иным образом, и т. п. Но если мы станем всё называть «опосредствованием», то это понятие, несомненно, потеряет свою объясняющую силу. Так по крайней мере может утверждать скептик.

Один из способов избежать такой опасности — вернуться к схеме (S) и оговорить четкие границы понятия. Тем не менее это не та стратегия, которую я бы рекомендовал. Нам не нужно пытаться систематизировать понятие опосредствования. Его смысл заключен как раз в его универсальности — в том обстоятельстве, что его отпечаток лежит на каждом аспекте психической жизни. Важно понять, что универсальность опосредствования заключает в себе многообразие противоположных форм, поэтому в разных контекстах характер опосредствования может существенно отличаться. Универсальность понятия — это не стимул к сведению всех видов опосредствования к одному. Наоборот, плюрализм — единственно возможный подход к сущности опосредствования, который способен сберечь объясняющую силу этого понятия.

4. Второе мое предостережение касается того, что рассмотрение опосредствования не должно отдалять нас от реальности как таковой. Нам не следует представлять себе опосредствование как нечто промежуточное между нами и действительностью, поскольку это отдаляет нас от той идеи, что мысль может заключать в себе самостоятельный мир. Когда я вижу свою дочь, приближающуюся ко мне, я вижу независимо живущее существо: именно она является объектом моего осознания и мысли, а вовсе не некая репрезентация или конструкция психики.

В современной англо-американской философии часто встречается утверждение о том, что эпистемология должна обходиться без промежуточных психических форм. Мы должны отказаться от идеи, что опыт опосредствован понятиями (как их называли классические эмпирики), чувственными данными (как их называли позитивисты) или иными представлениями, в пользу той точки зрения, которая, как это излагает Дэвидсон (Davidson), «восстанавливает непосредственную связь с привычными предметами, в зависимости от странного поведения которых находится истинность или ложность наших изречений и убеждений» [3, с. 198]. Трудность с промежуточными психическими формами заключается в том, что они приводят нас к целому ряду знакомых и на вид трудноразрешимых проблем. Первая проблема — скептицизм того рода, который наглядно иллюстрирует гипотеза злого гения Декарта: если душа напрямую сообщается только с идеями, как мы можем быть уверены в том, что эти идеи на самом деле отображают мир за пределами души? Вторая проблема, знакомая нам по трудам Беркли, еще более радикальна. Если весь опыт опосредствован идеями, тогда осознание этих идей предоставляет нам все необходимые материалы для эмпирического мышления. Но если это действительно так, то как мы вообще можем формировать представления о мире, если он никоим образом не пересекается со способами его восприятия нами? Третья проблема — «миф о данности». То, что дано нам непосредственно в опыте восприятия, должно служить подтверждением истинности, образуя тот эмпирический фундамент, на котором в конечном счете вырастают все наши знания. Тем не менее промежуточные психические формы обычно воспринимаются как непонятные по своей природе, как исключительно пред-понятные явления. Но в таком случае как могут эти явления находиться в нормативных отношениях подтверждения истинности, например, с убеждениями?

В соответствии с этим часто можно слышать, что обращение к промежуточным психическим формам делает невозможным объяснение того, как психика соприкасается с миром и как мир может рационально отображаться в ней. Один возможный способ решить эту проблему заключается, конечно, в том, чтобы молча признать замкнутость психики на чувственном восприятии предметов и совсем отвергнуть идею о существовании самостоятельного мира, представляя реальность собственно как конструкт психики. Но, на мой взгляд (и Выготский полагал так же), это прямая дорога к философскому безумию. Правильнее было бы примирить универсальность опосредствования с присутствием психики в таком мире, который не является ее производной.

На этом месте современные сторонники Л.С. Выготского могут выступить с протестом против того, чтобы я и дальше продолжал сеять панику. В конце концов опосредствование у Выготского не имеет ничего общего с психической репрезентацией, столь милой сердцу эмпириков и позитивистов. Некоторые из

«психологических орудий», описываемых Выготским, и вовсе не являются психическими феноменами: они в мире сем и от мира сего. Вот почему метафора орудия особенно уместна. Если мы возьмем, к примеру, такое простое орудие, как молоток, то совершенно очевидно, что он посредничает между тем, кто его использует, и объектом, на котором он используется, вовсе не с тем, чтобы использующий его больше не взаимодействовал с объектом как таковым. Точно такое же положение вещей сохраняется и в том случае, если мы признаем, что новые технологии расширяют пространство новых возможностей, создавая объекты деятельности, которых прежде не существовало.

Я думаю, что, к счастью, между позициями Л.С. Выготского и Д. Дэвидсона нет противоречия. Выготский не поддерживает ту позицию, которую критикует Дэвидсон. Как бы то ни было, в дискурсивной или конструктивистской психологии, которая предположительно является выготскианской по духу, существует тенденция к «потере мира». Что нам действительно нужно, так это, как мне кажется, развить в себе осознание того, как опосредствование — в понимании Выготского — делает возможной ту непосредственную связь с миром, к которой призывает Дэвидсон (задача, от которой не следует уклоняться тем, у кого крепкие гегельянские нервы!). Например, в контексте коммуникации опосредствование — это тот способ, с помощью которого наши души могут войти в неподдельное соприкосновение друг с другом, а вовсе не темные очки, сквозь которые наши изолированные души вглядываются друг в друга.

5. Итак, не забывая про осторожность, давайте все-таки продолжим разговор о том, как взгляды Л.С. Выготского на опосредствование эволюционировали в процессе его собственных размышлений. Само понятие появилось в его работах как часть общей попытки преодолеть бихевиоризм и модель стимула-реакции. Возьмем один из любимых примеров Выготского — память. Причина возникновения воспоминаний иногда достаточно проста: определенный стимул вызывает конкретный образ из прошлого. Люди, однако, создают себе искусственные стимулы для облегчения воспоминания. Образец подобного искусственного стимула — узелок на носовом платке. Завязывая узелок, мы тем самым стремимся подчинить себе условия воспоминания. Это психологическое орудие непосредственно показывает ограниченность модели стимула-реакции. Во-первых, субъект в данной ситуации выступает не как пассивный получатель стимулов, а как *действующая сила (agent)*, управляющая миром, чтобы контролировать его влияние на себя. Во-вторых, влияние узелка *нормативное*, а не просто причинное: мы завязываем узелок затем, чтобы он напомнил нам о чем-то конкретном, и результаты этого действия, безусловно, подчиняются общим стандартам точности. Последнее положение особенно важно. Может показаться, что узелок функционирует как искусственный по-

вод, но на самом деле его действие осуществляется через значение. Вот почему зачастую гораздо эффективнее заменить узелок психологическим орудием, в котором используются изобразительные или языковые средства: рисунком, диаграммой, заметками или списком. Охваченный этой внезапной догадкой, Выготский стал еще более интересоваться *семиотическим* характером опосредствования. Но там, где опосредствование осуществляется через значение, отношение психики и объекта трансформируется соответствующим образом. Психику необходимо рассматривать не как совокупность тенденций к реагированию, но как средство активного восприятия человеком мира, и мир, в свою очередь, является человеку наполненным смыслом, дарующим основания для веры и действия. В более поздних работах Выготского содержится идея того, что значение также опосредствует связи между психологическими способностями (то, что Выготский называет «межфункциональными связями»). Языковое значение становится единым средством психического, облегчая формулирование мыслей, высказывание желаний, делая возможной память как историю о самом себе и своем жизненном опыте (*narrative memory*) и другие высшие психические функции — иными словами, облегчая область интенционального (*realm of the intentional*).

Теперь мы можем сформулировать первый философский вопрос, к которому имеет отношение понятие опосредствования: это вопрос о природе психологических способностей, присущих исключительно человеку. Только человек активно использует психологические орудия, только психическая деятельность человека подвластна нормативным критериям оценивания, и только человеческий разум пропитан смыслом.

6. Кто-то, вероятно, недовольно заметит, что мы уже начинаем отдаляться от первоначального предмета разговора, поспешно перейдя от доступного для понимания (если не впечатляющего) примера с узелком на платке к путаным размышлениям о значении. Поэтому давайте рассмотрим более близкий к реальности пример. Человек ведет дневник. Каждый день он фиксирует события своей жизни, делая записи по примеру этой:

15 мая. Спал неважно, но взбодрился после того, как позавтракал остатками кеджери (*жаркое из риса, рыбы и карри*. — Прим. пер.) Утром дома, работал над статьей про опосредствование. Встретил CAS в аэропорту. Музыка для детей на следующей неделе. Spurs выиграли 2:0 — матч в прямой трансляции. Посмотрел половину *Незамужней женщины*.

Этот рядовой пример наглядно и неоднократно иллюстрирует опосредствование в действии. Во-первых, дневник — это, конечно, психологическое орудие, которое Верч называет «опосредствующим средством» (*“mediational means”*). Как и узелок, он служит помощником памяти, но если узел обращен в будущее, то дневниковая запись — в прошлое. Она

оставляет отпечаток. Привычка делать записи, подобные приведенной выше, является одним из способов, с помощью которого человек придает определенную форму своей жизни. Во-вторых, это тот случай, когда за словами человека мы можем разглядеть его убеждения, желания, намерения и т. п. в их характерной взаимосвязи, выраженные в вербальной форме. В-третьих, каждая запись как по своей форме, так и по содержанию опосредствована тем, что было написано ранее. И в-четвертых, этот пример демонстрирует еще один значимый аспект опосредствования, который мы до этих пор не рассматривали: влияние культуры. Дневниковые записи являются речевым жанром, и их содержание во многих отношениях культурно опосредствованно (даже в этом маленьком кусочке отражаются диета, хобби, работа, отношения, обязанности, культурные средства массовой информации — кино, спорт). Однако не стоит думать, что культура *детерминирует* записи в дневнике или каким-то образом указывает человеку то, что он должен записывать. Вернее будет сказать, что мы перенимаем психологические орудия из культуры, а культура обеспечивает нам контекст, в котором наша деятельность обретает тот смысл, который она имеет. Понимание культуры является необходимым условием понимания человека — вот та истина, которой человек должен руководствоваться в своем стремлении к самопознанию. Таким образом, как мы видим, этот небольшой пример обнажает множество вопросов, каждый из которых требует отдельного, тщательного рассмотрения.

Наверняка кто-то нетерпеливо ждет более значительных выводов. В конце концов, нет ничего необычного в том, чтобы человек вел дневник, и это тот факт, который контекстуально насыщенная психология должна иметь в виду. Но можем ли мы сказать, какую роль играет ведение дневника в жизни людей? Одни люди ведут дневник и регулярно перечитывают его, и он таким образом оказывается способным серьезно влиять на то, как человек понимает себя и свою жизнь. Другие же люди могут вести дневник, но при этом перечитывать его только изредка или вообще никогда не открывать для прочтения. В последнем случае ведение дневника придает определенную форму настоящему и ближайшему прошлому, и привычка записывать может каким-то образом поддерживать или обогащать жизнь человека. Но не более того. Орудия, и в том числе психологические орудия, могут использоваться в разных целях. Здесь достаточно сложно делать обобщения, поэтому мы должны быть партикуляристами в психологии.

Но, возрадите вы, наверняка данный пример раскрывает какие-нибудь глубинные стороны нарративной конструкции личности. Ведение дневника является разновидностью автобиографии, а это одна из тех практик, которые известны как практики «самостановления» (*“self-making”*). И здесь мы видим еще один ключевой аспект опосредствующей роли культуры. Ведь дневник — это текст, и его смысл неподвластен человеку, равно как неподвластен нам смысл

наших собственных жизней. Можно сказать, что запись в дневнике представляет собой один маленький кусочек очень сложной проблемы культурного построения личности.

Я не уверен, что восторг в отношении нарративного подхода к личности полностью оправдан. Конечно, в каком-то смысле история жизни человека является рассказом о том, «кто он есть», но то, о чем эта история — жизнь человека, — само по себе рассказом не является. Человек — это живое существо, а не текст. Но в большинстве разговоров о нарративном подходе к личности это упускается из виду. И все же я думаю, что записи в дневниках действительно проливают свет на проблему личности, поскольку они напоминают нам о центральной роли опосредствования в самых близких отношениях из всех: наших отношениях с самими собой. Самосознание невозможно без опосредствования. У личности нет «врожденного» зеркала: ей необходимо видеть свое отображение в чем-то, что является внешним по отношению к ней. А поскольку самосознание естественным образом представлено в мышлении и сознании человека (хотя бы имплицитно), опосредствование — непереносимое условие психики. Это и есть вторая философская проблема, на которую может пролить свет понятие опосредствования.

7. Дневник также напоминает нам об актуальности опосредствования в отношении творчества. Запись в дневнике по форме похожа на внутреннюю речь, обладая такими характеристиками последней, как сжатость (свернутость) и сокращенность. Выготский считал, что внутренняя речь приоткрыла нам завесу становления мышления, позволила сквозь щелку взглянуть на творческий процесс облачения мысли в словесную форму. Как, однако же, можем мы постичь возможность творчества, когда каждая попытка объяснения творческого акта грозит лишить его оригинальности и новизны и тем самым уничтожить саму проблему, для решения которой он задумывался? Опосредствование может помочь нам здесь в решении данной проблемы. Всякая мысль возникает в процессе ответа на вопрос или в ходе разговора (зачастую с предполагаемым собеседником). Мысль, таким образом, опосредствуется, во-первых, стремлением — желанием решить проблему, ответить на вопрос и т. д., — а во-вторых, чувством «другого» (otherness) — тем воображаемым собеседником, который поднимает вопросы, побуждающие искать ответы на них. По этой причине логика творческого мышления носит диалогический характер, как это любил говорить В.С. Библер, почерпнувший эту реплику в размышлениях Выготского в конце книги «Мышление и речь» [8].

8. Диалогический аспект обращает наше внимание еще на одну философскую тему, к которой имеет отношение опосредствование: тема, которую многие бы назвали самой важной во всем наследии Л.С. Выготского, хотя среди дискуссий о «психоло-

гических орудиях» и «опосредствующих средствах» она остается малозаметной. Я имею в виду идею о том, что возникновение и развитие субъектности ребенка опосредствовано опытом взаимодействия ребенка с субъектностью других людей. В самой сердцевине диалогической сущности «я» лежит тот факт, что «я» первоначально возникает как «я-для-другого». И дело не только в том, что необходимым условием самосознания является осознание себя во внешней деятельности, но и в том, что у человеческого «я» существует потребность найти себя в субъектности других людей, увидеть свое реальное отражение в глазах тех значимых взрослых, к которым «я» обращено с момента рождения человека. Подобные размышления можно найти у Выготского в замечательных отрывках, посвященных становлению указательного жеста у ребенка, и эти отрывки вдохновляли его учеников на дальнейшие исследования детско-родительских отношений. Но в Западной трактовке диалогизма, сосредоточенной преимущественно на распознавании многочисленных внутренних голосов и демократизировании «общества разума» (society of mind), про них нередко забывают. Выготского, однако, интересовало прежде всего то, что философ Феликс Михайлов называет *обращением* [6]. Это понятие, как считает Михайлов, является ключом к пониманию становления психики, однако его актуальность не ограничивается вопросами развития, поскольку обращение значимо и для текущего функционирования психики. Психика по своей сути «обращена во вне», повернута к миру и другим людям.

9. И, наконец, последняя философская проблема, о применимости опосредствования к которой часто спорят, — проблема места психики в природе. Марксисты-сторонники Гегеля обычно утверждают, что ключом к пониманию того, как «человек преодолевает отчужденность между объективным и субъективным миром», служит опосредствующая сила деятельности (труда). Это цитата из Кожева (Kojeve) (цит. по: [5, с. 120]), но похожие мысли можно найти в работах Э.В. Ильенкова, чье решение «проблемы идеального» опирается на рассмотрение деятельности как фактора очеловечивания природы [4]. В свете моего особого интереса к Ильенкову, вы, вероятно, ожидаете, что я собираюсь подробно остановиться только на этом философском понимании идеи опосредствования [1]. Тем не менее я должен признаться, что, несмотря на всю проницательность разнообразных трактовок данной проблемы (и несмотря на то, сколько чернил я сам на нее извел!), я не уверен, что знаю, как лучше следует ее понимать. Я боюсь, мы склонны следовать примеру Декарта и разделять психику и окружающий мир, рассматривая их как два самостоятельных явления, вследствие чего становится совершенно непонятно, как физический мир может быть населен разумными существами. А затем мы охотно говорим о том, как преодолевается воображаемое от-

чуждение между разумом и миром, и с уверенностью ожидаем, что деятельность покроет этот разрыв, наделив природу теми качествами, которые свойственны человеческому разуму. Но это выглядит как сомнительное объяснение по типу «Просто сказок» Киплинга, раздутое до огромных размеров. Как только психика и мир оказываются оторванными друг от друга в нашей метафизике, ничто уже не может их объединить, даже деятельность. В таком случае лучше не формулировать проблему так, что в результате образуется метафизический провал между психикой и миром, который нужно соединять мостом, а переключить внимание на эпистемологическую проблему, которую мы сформулировали в конце пятого пункта: проблему роли опосредствования во взаимосвязи психики с независимо существующим миром. Как бы то ни было, даже несмотря на то, что метафизические проблемы, касающиеся места психики в природе, крайне интересовали А.Н. Леонтьева, я не вполне уверен в том, что самого Л.С. Выготского действительно волновали эти же самые проблемы.

10. Подводя итог, мы можем сказать, что наш обзор философского смысла выготскианской идеи опосредствования выявил значимость этого понятия для пяти аспектов проблемы возможности мышления. Вот они:

- (1) характер исконно человеческих психологических способностей;
- (2) возможность самосознания;
- (3) природа творчества;
- (4) необходимые условия развития субъектности;
- (5) единство психики и мира.

При том что все эти феномены очень тесно взаимосвязаны, они отличаются друг от друга, и хотя опосредствование является неперенным условием каждого, та роль, которую оно играет, в каждом случае различна.

В этой статье я затронул проблему опосредствования только в общих чертах, но надеюсь, что этого достаточно для того, чтобы показать, насколько она интересна.

Литература

1. *Bakurst D.* Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy. Cambridge, 1991.
2. *Bibler V.S.* Myshlenie kak tvorchestvo. M., 1975.
3. *Davidson D.* «On the very idea of a conceptual scheme», in his *Inquiries into Truth and Interpretation*. Oxford, 1984.
4. *Ilyenkov E.V.* «Dialektika ideal'nogo», in his *Iskusstvo i kommunisticheskii ideal (Art and the Communist Ideal)*. M., 1984.

5. *Kozulin A.* Vygotsky's Psychology. Cambridge, Mass., 1990.
6. *Mikhailov F.T.* Samoopredelenie kul'tury. M., 2003.
7. *Vygotsky L.S.* Sbranie sochinenii, t. 1. Voprosy teorii i istorii psikhologii. M., 1982.
8. *Vygotsky L.S.* Sbranie sochinenii, t. 2. Problemy obshchei psikhologii. M., 1982.
9. *Wertsch J.* Vygotsky and the Social Formation of Mind. Cambridge, Mass., 1985.

On the Concept of Mediation

D. Bakhurst

D.Phil, Professor of Philosophy, Queen's University, Canada

In L. Vygotsky heritage the philosophical concepts underlying his psychological theory proved to be the most lasting. Apparently the concept of mediation is the most significant among them. All knows the Vygotsky's statement about human mental functions' specific features owed to «psychological tools» that mediate interrelations of intellectual subjects and objects of thinking. But in spite of the fact that importance and significance of this data are acknowledged by many researchers, there is no a single opinion both on its treating and on its further development. In this article the author makes an attempt to evaluate critically the philosophical meaning of mediation and offers pluralistic positions. Mediation is not a single process, but few of them. In some forms it approaches us to the world around for a greater degree, than keeps us away from it.

Keywords: L.Vygotsky, mediation, psychological tools, perception, thinking, subject's characteristics.